

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Alexander J. C. Twenty lectures: Sociological Theory since World War II. New York, 1987.
- ² См.: Roth Guenther. Interpreting and Translating Max Weber // Intern. Sociology. Vol. 7, № 4 (Dec. 1992). P. 449–459.
- ³ См.: Ringer Fritz K. The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge, 1969. P. 87–88.
- ⁴ См.: Mommsen W. The Political and Social Theory of Max Weber. Chicago; Cambridge, 1989. P. 175.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ См.: Collins R. Weberian Sociological Theory. Cambridge, 1986.
- ⁷ См.: Troeltsch Ernst. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen, 1922.
- ⁸ См.: Weber Max. Max Weber-Gesamtausgabe (оригинал – Архив трудов Вебера. 1904).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Weber Max. Max Weber-Gesamtausgabe (собрание сочинений под ред. Моммзена, большинство томов которого уже опубликовано в Германии).
- ¹¹ Weber Max. Suffrage and Democracy // Max Weber-Gesamtausgabe.
- ¹² Weber Max. Economy and Society // Max Weber-Gesamtausgabe.
- ¹³ Mommsen W. Max Weber und die historiographische Methode in seiner Zeit // Storia della Storiografia. 1984. P. 394.
- ¹⁴ Ibid. P. 395.

*Перевод с английского Е. В. Шкуровой.
Научная редакция Л. Г. Титаренко.*

Поступила в редакцию 27.06.2013.

УДК 316.42 (476)

С. А. ШАВЕЛЬ,
ПРОФЕССОР, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
(МИНСК)

СФЕРНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Рассматриваются некоторые особенности сферного подхода в социологии, первые попытки научной категоризации сферной терминологии, предлагаются определения понятий «сфера общества» и «социальная сфера». Более детально анализируется социологический смысл концепта «мотивационная сфера», ставится вопрос ассимиляции социологией ноосферной тематики.

Ключевые термины: сфера общества; социальная сфера; ноосфера; мотивационная сфера; гармония; порядок.

Considered are some peculiarities of the sphere approach in sociology, first attempts of scientific categorization of the sphere terminology, suggested are the definitions of the concepts «sphere of society» and «social sphere». The sociological meaning of the concept «motivational sphere» is given a detailed analysis to; the question of noosphere issues' assimilation by sociology is put.

Key words: sphere of society; social sphere; noosphere; motivational sphere; harmony; order.

Статья продолжает публикации «Концептуализация понятия социальной сферы в социологии» в журнале «Социология: теория, методы, маркетинг» Института социологии НАН Украины (2013. № 4. С. 180–196). У нас нет намерения повторять сказанное, мы воспроизводим некоторые фрагменты для логического обоснования данного материала в целом.

Сферные представления зародились в осевое время, когда одновременно (в историко-социологическом смысле) действовали основатели важнейших религиозных традиций – иудейские пророки в Палестине, Заратустра в Персии, Конфуций и Лао-Цзы в Китае, Будда и Махавира в Индии и первые философы в Древней Греции. Это

примерно середина I в. до н. э. Провозвестников нового отношения к миру и человеку, заложивших основы современной цивилизации, соединяли не прямые коммуникации, а некое рефлексивное чувство времени, необходимости перемен. «Особое время», как считал Карл Ясперс (1883–1969), предложивший данный термин, создавало для всех времен общечеловеческий завет персональной ответственности, послужив общим истоком для культур Востока и Запада, поэтому необходимо обновлять связь с этим заветом, подыскивая для утрачиваемой и вновь обретаемой старой истины новые «шифры»¹. Сегодня эти слова не менее актуальны, чем в 1946 г., когда автор писал их в трактате о «немецкой вине» за развязанную войну и ее ужасные последствия, в том числе и для немцев: стоит только трезво оценить серию инспирированных «цветных» и прочих революций, включая и нынешнюю на Украине, чтобы согласиться с этим.

Первые сферные идеи рождались естественно, как бы сами собой, – из повседневных наблюдений звездного неба и некоторой систематизации астрономических данных. Так, Конфуций (551–479 гг. до н. э.) писал: «Светила в небесах, по представлению древних китайцев, образуют “небесный узор” (тянь вэнь), и этот древний образ мирового согласия полностью подобен “узору” человеческой культуры (вэнь) как образу стилизованной и доставляющей наслаждение жизни»². Древнегреческие философы в своих космологических учениях прибегают к таким метафорам, как «купол неба», «небесный свод», шар, круг и др. Эмпедокл считал, что «форма мироздания приближается к яйцу, лежащему в горизонтальном положении»³. Левкипп выдвинул космогоническую гипотезу шаровидности мира, образовавшейся при вращении тел, в результате чего на периферии возникает оболочка, а в центре – твердая конфигурация⁴. Пифагориец Евдокс доказывал «существование концентрических сфер, вращающихся вокруг осей, наклоненных одна к другой под известным углом»⁵.

Не перечисляя авторов многих других космологических построений, отметим, что мысли о центр-периферийных связях (Левкипп) и концентрических процессах (Евдокс) повлияли на формирование сферного понятийного аппарата. Но об этом позже, а сейчас коротко рассмотрим, как шел процесс адаптации данной терминологии к жизни индивида и социума, что можно условно назвать социологической ассимиляцией. Этот процесс начинается с греческого математика, мистика и философа Пифагора.

1. Историческая социологизация сферной терминологии

Пифагор (570–500 гг. до н. э.) был первым, кто перенес термин «сфера» из математики в другие области (философию, астрономию, музыку, эстетику) и придал ему более широкий смысл. В геометрии под сферой понимается фигура в трехмерном пространстве, все точки которой находятся на равном расстоянии от центра. В учении Пифагора сфера – не просто поверхность шара, но и наиболее совершенная, равновесная и самодостаточная из всех фигур, а главное – представляющая семантическую структуру как образ «равного себе самому отовсюду». В физическом смысле сфера отличается тем, что имеет максимальный (из всех фигур) объем (пирамида, цилиндр, куб и др.) при минимальной площади ограничивающей поверхности. Назвав впервые Вселенную Космосом (гр. *kosmos* – порядок, пронизанный мерой, антипод хаоса), древнегреческий философ выдвинул идею гармонии небесных сфер, развитую его учениками и последователями. Под гармонией понималась архитектура космоса, устройство мироздания, «звездное небо над головой, наполняющее душу восторгом» (И. Кант). Открытие пифагорейцами количественных характеристик музыкальных соотношений воплотилось в применении такого метода и в космологии. Они считали, что каждая сфера определяется своим числом и сферное движение светил образует гармонию, «музыку сфер», аналогичную тонам консонирующих благозвучных интервалов, и врачующую душу. Безусловно, идея гармоничной сферной организации мироздания как космоса, а также соответствующая терминология (космос, сфера, гармония, пропорция, порядок, мера и др.) получила широкое распространение в мировой культуре. С одной стороны, это дало толчок собственно научным исследованиям в разных областях, от астрономии до синергетики, с другой – мистические элементы пифагореизма явились благодатной почвой для развития таких паранаучных направлений, как эзотеризм, теософия, каббала, астрология и т. д. Такая двойственность присутствует и в фундаментальной парадигме русского космизма, ярким представителем которого стал Н. Ф. Федоров (1828–1903). По его учению, названному им «активным христианством», пророчества апокалипсиса следует понимать не как «конец мира», а как завершение космизации, т. е. гармонизации и одухотворения мира через его *обожение* как реализацию заповедных норм и ценностей в отношении

человека к природе и интерактивных связей внутри социума. Такой переход, считал Федоров, потребует отказа от бездумной эксплуатации природы в пользу ее регуляции; овладения космическими процессами, вплоть до заселения людьми космоса; психофизиологического совершенствования организма человека для жизни вне земной среды обитания; формирования, точнее регенерации, родственного сознания, исключающего враждебность, «небратство», «чуждость», агрессию и другие аномалии. Завершение космизации осуществляется по божественной воле, действующей через единую соборность человечества, осознавшего необходимые преобразования как перспективу «общего дела». Процесс гармонизации и одушевления мира есть не что иное, как переход к ноосферному мышлению, к иному качеству биосферы и планетарных состояний в целом. Заметим, что некоторые идеи Федорова, например патрификации (воскрешения), питания человека за счет прямого усвоения космической энергии и др., воспринимаются сегодня как вненаучные, но ведь таким же в его время казалось и представление о том, что человек способен жить не на земле, а в космическом пространстве. Идея патрификации должна укрепить, по мнению автора, солидарность поколений, их живую связь с ушедшими предками. Для этого необходимо преодолеть бессознательные варварские ожидания того, чтобы предшественники освободили место вступающим в жизнь людей. Н. Ф. Федоров писал: «В себе человек – в своей нервной системе – носит образец регуляции вселенной»⁶. Эту регулятивную способность «мирового разума» как совокупного интеллекта человечества Г. Ф. Гегель назвал «хитрость разума», имея в виду надличностную силу, «заставляющую действовать для себя страсти индивидуумов»⁷.

В социологической литературе термин «сфера» долгое время после возникновения и институционализации социологии не использовался вообще или использовался в качестве собирательного понятия. Так, О. Конт, характеризуя структуру общества, говорит о составляющих его элементах, о трансляции изменений в одной части общества всем остальным. Выделенные им научные дисциплины должны изучать определенные «фрагменты» мироздания, и только социология должна изучать целостность как системное единство. Г. Зиммель под структурными образованиями целостности понимает отдельные области общественной жизни: политику, экономику, правосудие и др. Э. Дюркгейм связывает структуру с видами солидарности. Механической солидарности архаических обществ соответствует сегментарный тип морфологии: формы и внутреннего устройства целостности. Сегменты представляют собой внутренне однородные образования, возникающие вначале на клановой, а затем на территориальной основе. При органической солидарности индустриальных обществ возникает и становится доминирующим организованный тип морфологии, при котором город сливается с рынком, и исходными структурными единицами становятся такие формы организации, как поселенческие, торговые, производственные, страховые и пр. У этих и ряда других авторов выражение «духовная сфера общества» употребляется в метафорическом смысле.

2. Попытки категоризации термина «сфера общества»

В предыдущей статье мы отмечали, что в современной западной теоретической социологии практически не используются сферные представления и соответствующая терминология. Конечно, говорится о сферах деятельности, влияния, интересов и т. п., но такое словоупотребление не выходит за уровень обыденного понимания сферы как части, доли, области того целого (системы), которое рассматривается *ad hoc* или подразумевается. В ряде случаев подобное избегание кажется нарочитым, поскольку стопорит или уводит в сторону ход исследования. Так, один из родоначальников системного анализа общества Никлас Луман (1927–1998), затрагивая проблематику социальных движений, отмечает: «Эти движения пытаются в обществе оперировать против общества, словно бы они пришли извне»⁸. По мнению автора, такие движения часто ориентированы противоречиво (одновременно и радикально, и нерадикально), имеют гетерогенную мотивацию, или же они раздроблены в себе. «Так, когда в женском движении выдвигается тема равенства, то при этом артикулируется вполне буржуазная **потребность в компенсации**, и одновременно в вопросе о семантике жертвенности – **поиск совершенно иной формы жизни** (подчеркнуто нами. – С. Ш.). В зародыше эти движения содержат возможность радикальной критики общества, далеко превосходящей то, что мог видеть и на что мог осмелиться К. Маркс»⁹. Большой радикализм, большее обозрение (прозрение) и смелость, чем у К. Маркса, видимо, в том, что «новые движения» потенциально могли бы (если, как замечает автор, позволительно приписать им такие намерения) подвергнуть критике функцио-

нальную дифференциацию, т. е. основу основ общества как системы: разделение труда, политическое устройство, найденные нормативные образцы, паттерны отношений. Можно ли так понимать приведенные слова с упоминанием К. Маркса? Однозначно ответить трудно, поскольку, как справедливо заметил А. Ф. Филиппов, «Лумана не зря считают самым сложным теоретиком в современной западной социологии. По сути дела, его рассуждения не снимают никаких трудностей, ибо произвольно совмещают образные и понятийные конструкции»¹⁰.

Возвращаясь к примеру Лумана о женском движении, мы видим, что он не упоминает ни о суфражизме с феминизмом, ни о популярной гендерной тематике, ни о других аспектах весьма сложного социального явления. Что касается потребности в компенсации, то это не что иное, как стремление женщин к справедливой оплате за равный труд, за другие общественные услуги и т. д. Поиск же совершенно иной формы жизни связан с позитивными изменениями в социальной сфере, отвечающей за условия непосредственного жизнеобеспечения индивидов, семей, социальных групп и демографических когорт, всего общества в конкретной стране – государстве. Используемое Луманом выражение «форма жизни» – это не понятие, даже не конкретизированный образ, в своей абстрактности оно скорее аллюзия (намек) на нечто совершенно иное (любимая автором контингентность – инаковость) – от гедонизма, аскетизма, монашества до откровенного иждивенчества.

Обратим внимание на то, что Томас Джонсон в предисловии к русскому изданию книги Майкла Новака «Дух демократического капитализма» отметил некоторую амбивалентность позиции автора. С одной стороны, его взгляды связаны лишь с верой в человека, но не в Бога или в возможность спасения. С другой стороны, обращение М. Новака к анализу общества с разделением последнего на три сферы имеет определенно религиозные предпосылки. Т. Джонсон пишет: «Предложение различать экономическую, политическую и духовно-культурную сферы в обществе прозвучало впервые еще на Втором Ватиканском соборе (1962–1965) католической церкви и зафиксировано в документе *Gaudium et Spes. Pastoral Constitution on the Church in the Modern World*»¹¹ (Обретение надежды. Пасторское послание о церкви в современном мире).

Как видим, указывается на приоритет Ватиканского собора в разделении общества на три сферы. Но здесь нет социальной сферы и, следовательно, предполагается, что все, что связано с жизнеобеспечением: социальная защита, пенсия и пособия, субсидиарность, охрана здоровья, образование – передано другим институтам, например страховым, маркировано в форму услуг и возложено на тех, кто в таких услугах нуждается. И, конечно, поскольку работа выполнена в теологическом ключе, строго научной категоризации терминов в ней не предусмотрено: сферы общества понимаются только как его части, в лучшем случае – его подсистема.

Сферные идеи и соответствующий понятийный аппарат активно разрабатывались в марксистской социологии и социальной философии с конца 1950-х гг.¹² Обращение к данной проблематике определялось прежде всего тщательным анализом работ классиков марксизма. К. Маркс писал: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹³. Отсюда вытекала правомерность и целесообразность деления общества не на три, а на четыре основные сферы, включая и социальную. Выяснилось, как отмечал В. С. Барулин, «что пока еще нет общепринятого, теоретически развернутого определения сферы общественной жизни»¹⁴. «Все исследователи, по его словам, под сферой общества понимают его определенную сторону, область, часть, объективно существующую, структурно оформленную и связанную с другими сферами, с обществом в целом. Однако такая трактовка сферы общественной жизни еще не имеет категориального статуса. Это, скорее, первое вычленение какого-то явления без строгого теоретического обоснования»¹⁵. В. С. Барулин предложил принять в качестве оснований категоризации законы функционирования и развития соответствующих сфер. Он писал: «Характеристика сущности сферы общественной жизни возникает только тогда, когда выясняются те законы, которые объединяют все ее образования в нечто качественно целое»¹⁶. К сожалению, данное предложение осталось нереализованным, так как в ряде направлений («методологический индивидуализм», идиографический метод и др.) статус социологического закона подвергнут критике и отрицанию.

Второй момент связан со стремлением дефинировать понятие «сфера общества» через отношения. Традиционно политику определяют как отношения по поводу власти, борьбы за власть; экономику – как отношения по поводу хозяйственной деятельности. «Камнем преткновения выступает в данном случае выделение сферы социальной жизни общества»¹⁷. Трудность – в выделении собственно социальных (в узком смысле слова) отношений; их невозможно свести к межгрупповым (классовым, этическим и др.),

отождествить с межличностными в социометрическом значении, связать с формами собственности и т. д. Во всех таких определениях критерий отношений становится диффузным, нечетким, перетекающим в иные сферы. Учитывая эти нюансы, мы предложили следующее: «Социальные отношения определяются как отношения между людьми по поводу общественного положения, образа или уклада жизни в обществе. Они осуществляются в форме таких основных связей, как: а) обмен деятельностью; б) общение; в) каритативность (связь типа социального обеспечения); г) социальное наследование»¹⁸. Мы предлагаем следующее определение данных категорий. Сфера общества представляет собой кластер институтов с имеющимися у них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, органами управления и др., объединенных на основе функционального назначения и единого принципа связи элементов в определенную качественную целостность, отличную от других общественных форм объединения, но взаимодействующую с ними в процессах системного воспроизводства социетального общества (страны-государства). Под социальной *сферой* понимается совокупность отраслей непосредственного жизнеобеспечения населения, образующихся из низовых звеньев, ресурсы которых организованы в соответствии с заданным профилем, и включающих такие институционализированные отрасли, как образование, здравоохранение, культура, жилищно-коммунальное хозяйство, санаторно-курортный комплекс, туризм (без экспортной части), физическая культура и спорт (без профессионального спорта), пенсионное обеспечение, социальная работа, защита уязвимых категорий и др. В сферном подходе первостепенное значение имеют социальные институты – от семьи, образования, СМИ до государства.

Институт является исходной и фундаментальной структурой общества – от первых шагов социогенеза (род, семья, традиции, ритуалы и т. д.) до наших дней. Он формирует нормативно-ценностную модель поведения и отношений в начале путем селекции и кумуляции жизненного опыта, повседневных практик, позже – исходя из развивающихся потребностей социума; осуществляет мобилизацию сил и ресурсов, регуляцию и контроль, вносит необходимые коррективы, используя разнообразные релевантные стимулы, а также положительные и отрицательные санкции. При всем многообразии институтов (как и вариантов их восприятий и оценок индивидами) в них сохраняется главное, а именно то, что институты – каждый по своему предназначению – упорядочивают жизнь, предотвращают хаос и дезорганизацию. Каждый институт должен представлять и защищать интересы тех, кого он объединяет, но вместе с тем и поднимать эти частные групповые интересы на системный уровень, согласовывать их с общественными целями. Если последнего нет, то не исключена деинституционализация тех или иных сообществ, как это и бывает в мафиозных кланах, террористических бандах, шайках. Рассмотрим данный подход на примере междисциплинарного (общая и социальная психология, социология, философия и др.) концепта «мотивационная сфера».

3. Мотивационная сфера личностной активности

Мотивация – и ее производные, такие как мотив, стимул, мотивировка – важнейшее понятие психологии. Вместе с тем по признанию многих социологов (М. Вебер, Т. Парсонс, П. Бергер, П. Сорокин, В. Ядов и др.) без нее невозможна и разработка теоретической социологии. М. Вебер писал, что осмысленное целерациональное действие не является собственным предметом психологии именно потому, что цель, которую ставит перед собой индивид, а также смысл (личностный) не могут быть поняты, если исходить только из анализа его душевной жизни¹⁹. По его мнению, мотив есть то, что представляется самому действующему лицу и наблюдателю адекватным основанием для совершения определенного целенаправленного действия. Нельзя не согласиться со следующей интерпретацией центральной идеи Вебера, данной П. П. Гайдено. «Только понимание смысла совершаемых действий, то есть мотивов действующих индивидов, – отмечает она, – открывает возможность социологического анализа религии»²⁰.

Т. Парсонс, рассматривая экспрессивно ориентированные действия, отмечает: «Мотивационная значимость действия заложена в непосредственном удовлетворении потребностей, которые есть в наличии, но цель достигается не в самом действии как таковом... Недостаточно, например, для удовлетворения индивида его собственной любви к какому-то "объекту", ему важно быть "любимым взаимно". Этот ответ рассматривается, следовательно, в соответствии с институциональной схемой, как вознаграждение»²¹. Поскольку имеются в виду экспрессивные, т. е. чувственные действия, то их целью является именно вознаграждение как ответная любовь (дружба, доверие, уважение и т. п.).

Нас в данном случае интересует феномен, называемый в литературе «мотивационной сферой личностной активности», иначе говоря, поиск ответов на вопросы: почему не один мотив, а сфера и что это значит для социологического понимания мотивации активных действий личности? Прежде всего отметим, что под активностью в широком смысле слова понимается всеобщее движение, перемещение в пространстве, сейсмическая, вулканическая, космическая, солнечная, радиоактивность. Применительно к жизненному миру сохраняет свое значение определение Н. А. Бердяева: «Активность есть свойственная живым существам их собственная динамика, источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром»²². Под активностью личности К. А. Абульханова-Славская предложила понимать «способность ставить разумные, достижимые данной личностью при данной совокупности обстоятельств цели, способность личности проводить в жизнь свою программу через цепь внешне не связанных задач, обстоятельств, ситуаций, которые могут препятствовать достижению этих целей»²³. В. Л. Хайкин в крупной работе отмечает: «Главными в активности человеческой выступают **не адаптивные** свойства ее, а **преобразовательные**, так как вместе со становлением человека ставились возможности особой человеческой рефлексии на среду, предполагающие введение неприродных средств адаптации»²⁴. В инструментальных целях активности часто понимают как меру (интенсивность, плодотворность, эффективность) деятельности с подразделением ее на виды, в том числе и на просоциальную, асоциальную и антиобщественную. Здесь принципиально важно то, что активность человека не только направлена на получение ценностей, но и сама, по словам С. Л. Рубинштейна, обусловлена общественной шкалой ценностей. «Именно из этого соотношения (притязаний и достижений. — С. Ш.) может быть понят тот факт, что не стремление к “счастью” (удовольствиям и т. п.) определяет в качестве мотива (побуждения) деятельность людей, их поведение, а соотношение между конкретными побуждениями и результатами их деятельности определяет их “счастье” и удовольствие, которые они получают от жизни».²⁵ Отсюда следует, что основой благополучной жизни должны быть не гедонистические притязания, а достигательные мотивы просоциальной направленности, формирующие устойчивую целостность мотивационной сферы личности.

Как отмечал Т. Шибутани, «то, что обычно именуют “мотивами”, есть лингвистическое обозначение намерений, но отнюдь не “причина” поведения»²⁶. В этом есть доля правды. Действительно, в жизни, в отличие от детективных сериалов, мотив не является причиной, например, преступного деяния и не отвечает на вопрос «почему?». Как внутреннее побуждение, имеющее личностный смысл, мотив — это «зачем?», «ради чего?», что далеко не тождественно причине действия, особенно вынужденной. Но и ссылка автора на намерение не вполне корректна, ибо намерение, как и желание, хотение, мечтание, только эмоциональная окраска действительного мотива, который переходит в действие и существует в нем до достижения цели.

Как мы уже отмечали, сложность изучения мотивов человеческой деятельности в плане методологии и методики объясняется, по словам В. А. Ядова, «и спецификой предмета анализа, и тем, что социолог неминуемо должен учитывать в таких исследованиях достижения современной психологии и социальной психологии»²⁷. Однако требование учета достижений психологической науки не так легко реализовать в социологической работе.

Действительно, поскольку именно психология формирует «категориальную сетку» мотивационного анализа, то представители смежных наук (социологи, экономисты, юристы, педагоги и др.) не должны по-своему дефинировать исходные термины, а могут принять выработанные психологией определения и интерпретировать их применительно к своей предметной области исследования. Такая вполне логичная и общепринятая процедура заимствования и ассимиляции понятийного аппарата наталкивается на ряд трудностей. Специалисты указывают, что только в зарубежной психологии имеется около 50 теорий мотивации²⁸, еще не менее 10 предложено отечественными авторами советского и постсоветского времени. Отсюда необозримость, противоречивость подходов, терминологическая многозначность, отсутствие конвенциональных определений. Разноплановость толкования мотива, мотивации и их производных, таких как мотивационная сфера, мотивировка, демотивация, серьезно осложняет освоение разработок психологии представителями других наук и практическими работниками. Для социологов это создает дополнительные трудности понятийной и эмпирической операционализации, предметной идентификации и концептуализации мотивационных категорий. Следует, однако, признать, что многозначность терминов возникает не из-за обилия точек зрения, а по причине сложности самого изучаемого феномена. «Едва ли найдется другая такая же необозримая область

психологических исследований, – писал Х. Хекхаузен, – к которой можно было бы подойти со столь разных сторон, как к психологии мотивации»²⁹.

Рассматривая основные современные психологические теории мотивации, можно отметить два важных для социолога момента. Во-первых, в понятии мотива при самых разных его употреблении (исключая музыку, живопись, лингвистику) тем не менее сохраняется некоторый семантический инвариант, связанный с этимологией термина (от лат. *move* – побуждать, приводить в движение; фр. *motif* – побуждение, повод к действию). Во-вторых, расхождения возникают главным образом относительно того, что побуждает активность: внешние, средовые раздражители (в бихевиоризме – стимулы) или внутренние процессы – витальные потребности, инстинкты и т. п. В ряде психологических теорий встречается метод, известный в логике как «сходный с определением», а именно остенсивного (указательного) дефинирования через понятие «диспозиция». Так, Х. Хекхаузен отмечал: «Мотивы рассматриваются как устойчивые во времени диспозиции... В настоящее время мотивы определяют как такие содержательные классы целей действия, которые существуют в форме устойчивых и относительно постоянных ценностных диспозиций»³⁰. Однако этот класс диспозиций четко не структурирован и не завершен. Одни имеют в виду предрасположенности типа аттитудов, другие – личностные черты характера, третьи – эрги и энграммы (Р. Б. Кэттелл) и т. д. В. А. Ядов в своей диспозиционной концепции мотивации труда принял предложенное А. Н. Леонтьевым определение, согласно которому мотив есть «конкретное, опредмеченное побуждение к действию»³¹.

В бихевиористских теориях мотив понимается как сенситизатор (от лат. *sensibilis* – чувствительный), т. е. промежуточный фактор в схеме «стимул – реакция», понижающий порог реактивности организма на те или иные раздражители.

В психоаналитических теориях мотив трактуется как бессознательная энергетика инстинктов: у З. Фрейда – либидо (инстинкт сексуального влечения как доминирующий мотив); у А. Адлера – врожденное стремление к совершенству, «личностный идеал»; у К. Юнга – архетипы как элементы коллективного бессознательного. У. Мак-Дауголл считал, что у человека имеется 18 инстинктов, а движущей силой поведения является не «либидо», «архетипы» или «личностный идеал», а особая врожденная (инстинктивная) энергия «горме».

В когнитивной психологии мотивация рассматривается не как дериват сознательной психики, а как продукт (феномен) сознания. «В когнитивной психологии, – по словам Х. Хекхаузена, – последовательность «мотив – деятельность» обращается: при определенных условиях чисто когнитивные представления о сложившейся ситуации приводят к возникновению у созерцающего субъекта новой мотивации или меняют уже существующую. Таким мотивирующим влиянием обладают диспропорции, противоречия, рассогласования (тот же «когнитивный диссонанс» Фестингера. – С. Ш.) в имеющихся когнитивных репрезентациях»³². Под мотивами в данном направлении понимаются «объекты мысли, задерживающие окончательное действие или благоприятствующие ему»³³ в ситуации принятия решения как центрального психологического процесса.

В факторно-аналитической теории черт Р. Б. Кэттелла в качестве мотивационных диспозиций выделены эрги (от греч. *ergon* – энергия, работа) и энграммы (от греч. *engramm* – вписанный). Эрги – это биологически обусловленные влечения, энграммы – социальные и культурные чувства и комплексы (отношения к профессии, религии и т. д.), природа которых коренится не в биологии, а в истории жизни субъекта.

Нет необходимости называть все психологические теории мотивации, поскольку они достаточно полно представлены в работах П. М. Якобсона, М. Г. Ярошевского, В. Т. Асеева, В. И. Ковалева, Х. Хекхаузена, Е. П. Ильина, В. К. Вилюнаса, Л. Хьела и Д. Зиглера и др. Х. Хекхаузен вообще назвал мотив «гипотетическим конструктом», т. е. чем-то мыслимым, а не наблюдаемым непосредственно»³⁴. Его позицию критикуют на том основании, что другие психические феномены также могут существовать в латентной форме. Но здесь автор пытается избежать порочного круга, когда, например, стремление к успеху объясняется наличием его сильного мотива, т. е. используется другое слово для обозначения того же явления. Чтобы раскрыть «гипотетический конструкт», необходимо выяснить «индивидуальные различия в выраженности этого конструкта»³⁵, другими словами, определить, чем отличается тот индивид, который стремится к успеху, от равнодушного или испытывающего страх перед возможным положительным результатом своего действия. Следовательно, речь идет о методике измерения мотива достижения (успеха). Коль скоро он непосредственно не наблюдаем, то иного пути создания валидного инструмента его обнаружения нет. В содержательном плане суть мотива, по Х. Хекхаузену, состоит в антиципации (предвосхищении)

последствий определенных действий с точки зрения их желательности, привлекательности для индивида. Мотивация же управляет поведением в аспекте его направленности и затрат энергии исходя из ожидаемых последствий.

Е. П. Ильин дает следующее определение: «Мотив – сложное психологическое образование, побуждающее к сознательным действиям и поступкам и служащее для них основанием (обоснованием). Мотивация – процесс формирования мотивов»³⁶.

А. Н. Леонтьев писал: «Мы называем деятельностью не всякий процесс. Этим термином мы обозначаем только такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают особой, соответствующей им потребности (например, запоминание мы не называем собственно деятельностью)... Мы называем деятельностью процессы, которые характеризуются психологически тем, что то, на что направлен данный процесс в целом (его предмет), всегда совпадает с тем объективным, что побуждает субъекта к данной деятельности, то есть мотивом»³⁷.

Так, в психологическую теорию деятельности вводится понятие мотива. Деятельность – это процесс, имеющий мотив, т. е. мотивированный процесс «Чтение учащимся книги по истории», считает А. Н. Леонтьев, есть деятельность, когда мотивом является стремление узнать, уяснить себе то, что говорится в книге. Но если мотивом выступает необходимость сдать экзамен, то чтение не деятельность, а лишь действие. «Деятельностью здесь была подготовка к экзаменам, а не чтение книги самой по себе»³⁸. Имеется в виду, что ученик не стал бы читать книгу, будь у него возможность сдать экзамен, т. е. получить приемлемую оценку, «не отвлекаясь» на чтение. Именно мотив определяет смысл деятельности. Можно вспомнить известную легенду о том, как трех строителей собора спросили, чем они занимаются. Первый сказал, что зарабатывает средства на жизнь, второй, – что создает памятник, о котором будут помнить потомки, третий, – что служит Богу. И хотя существовала эргономическая идентичность работы (в момент опроса все перевозили на тачках камни к месту строительства), они были заняты разными видами деятельности.

Конституирующей характеристикой деятельности является предметность. А. Н. Леонтьев настойчиво подчеркивал, что «непредметная деятельность невозможна», «*непредметное бытие* есть *contradictio in adjectum*»³⁹. «Мы ограничиваем и понятие предмета, – указывает он. – Обычно это понятие употребляется в двояком значении: в более широком значении – как вещь, стоящая в каком-либо отношении к другим вещам, т. е. как «вещь, имеющая существование», и в более узком значении – как нечто противостоящее (нем. *Gegenstand*), сопротивляющееся (лат. *objektum*), то, на что направлен акт (рус. «предмет»), как нечто, к чему относится именно живое существо, как *предмет его деятельности* – безразлично, деятельности внешней или внутренней (например, *предмет питания, предмет труда, предмет размышления* и т. п.). В дальнейшем мы будем пользоваться термином «предмет» именно в этом более узком, специальном его значении»⁴⁰. Таким образом, предмет деятельности в определении А. Н. Леонтьева существенно отличается от обыденного понимания этого термина. Предметность – это не «вещественность», а направленность, определенность, привязка к тому, что выступает содержанием активного отношения субъекта. В этом смысле предмет включает как физические тела и явления, так и духовные ценности и ориентации, нравственные нормы, определенные переживания и психологические состояния. Согласно А. Н. Леонтьеву, мотив – это предмет, т. е. то, что объективно соответствует определенной потребности субъекта. При этом потребность рассматривается как внутреннее условие и предпосылка деятельности, сама по себе не определяющая направленность деятельности. «Потребность получает свою определенность только в предмете деятельности: она должна как бы найти себя в нем. Поскольку потребность находит свою определенность («опредмечивается» в нем), данный предмет становится мотивом деятельности, тем, что побуждает ее»⁴¹. В психологической теории деятельности процесс мотивации, динамика мотивационной сферы личности раскрываются через категории значения и смысла. «Значение, – пишет А. Н. Леонтьев, – это то обобщение действительности, которое кристаллизовано, фиксировано в чувственном носителе его – обычно в слове или словосочетании. Это идеальная духовная форма кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. Круг представлений данного общества, наука, язык существуют как системы соответствующих значений»⁴². Совокупность значений образует информационный тезаурус общества, содержание общественного сознания во всех его видах и формах. Индивид, усваивая (понимая) значения, овладевает обобщенным человеческим опытом. Если речь идет о конкретном объекте (предмете, явлении), то, чтобы раскрыть (выявить) его значение, необходимо наиболее полно охарактеризовать его свойства, функции,

роли, устройство, способы использования и т. д., т. е. получить понятие, дать ответ на вопрос «что это?». Как продукт общественно-исторического опыта поколений, значения «объективны» в том смысле, что независимы от индивидуального, личностного отношения к ним человека. Оперирование значениями в процессе общения, при разработке знаний технологий неизменно рождает многообразие форм отношения субъекта к «означаемому», которые раскрываются через категорию смысла.

Смысл выражает пристрастное, избирательное отношение человека к предметам, явлениям, событиям действительности. Различение личностного смысла и значения, подчеркивает А. Н. Леонтьев, «относится не ко всему отражаемому содержанию, а лишь к тому, на которое направлена деятельность субъекта». Собственно, смысл и возникает только в деятельности, не важно – внешней предметно-практической или внутренней мыслительной – аналитически проективной, ориентировочной. «Когда я воспринимаю бумагу (определенный лист бумаги. – С. Ш.), – поясняет А. Н. Леонтьев, – я воспринимаю эту реальную бумагу, а не значение “бумага”. Интроспективно значение отсутствует в моем сознании: преломляя воспринимаемое или мыслимое, само оно при этом не осознается, не мыслится. Это фундаментальный психологический факт»⁴³. Иначе говоря, чтобы раскрыть значение «бумаги», необходимо реконструировать весь путь человечества по ее изобретению, разработке технологий и способов применения, функций и т. д. Понятно, что такую информацию никто, кроме специалистов, в памяти не держит. Поэтому «овладение», «распредмечивание» объективных значений требует адекватной, хотя и нетождественной, деятельности.

Сознательный смысл выражает отношение мотива к цели. Так, цель чтения книги для одного учащегося – подготовить себя к будущей профессии, для другого – формально разделиться с экзаменами. Соответственно, и смысл чтения у них разный. Они читают эту книгу «разными» глазами и иначе усваивают ее содержание.

Всякая человеческая деятельность существует как цепь конкретных действий. Определение действия в психологической теории деятельности отличается как от эргономического, так и от социологического понимания (веберовского). А. Н. Леонтьев, рассматривая деятельность на примере коллективной охоты, выделяя, в частности, роль загонщика, который лишь вспугивает дичь, заключает: «Такие процессы, предмет и мотив которых не совпадают между собой, мы будем называть действиями»⁴⁴. Итак, в действии мотив и предмет не совпадают между собой. Например, действие загонщика (вспугивание дичи) не имеет собственного мотива, более того, оно «биологически бессмысленно»⁴⁵. По логике витальной потребности человек должен был бы, наоборот, как можно тише и незаметнее подкрадываться, чтобы добыть дичь. В такой процесс мотив должен быть привнесен извне – не важно, самим индивидом или другим лицом, например заказчиком. Предположим, человек вспугивает животных для того, чтобы их фотографировать и затем продавать фотографии; или ведет учет животных по заказу какой-нибудь организации; или, будучи защитником природы, отгоняет животных от браконьеров. В первом случае мотив привнесен самим субъектом, во втором и третьем – другим лицом, т. е. вариант национализации предложен со стороны, и если он принят исполнителем, то для него вспугивание дичи становится мотивированным процессом.

Возвращаясь к мотивационной сфере, отметим, что в психологии существует ряд подходов к ее пониманию: суммативный, полевой (мотивационное поле), системный, полимотивационный и др. В. К. Вильянас пишет: «Способ, программа и конкретные цели жизни, которые оцениваются человеком как оптимально удовлетворяющие потребности и в отношении которых принимается намерение к достижению, – это и есть система мотивов личности. Таинственный эффект приобретения целью в результате принятия намерения особого статуса, связанного с формированием в мотивационной сфере напоминающей о себе «напряженной системы», объясняется, возможно, переключением на цель специфической эго-мотивации»⁴⁶.

Не вдаваясь в детальный анализ психологической литературы, обратим внимание на два сомнительных с социологической точки зрения момента. Во-первых, нечеткость сферных представлений применительно к феномену мотивации. Как отмечалось выше, любая сфера представляет собой ядерно-периферийное образование⁴⁷. Заметим, что Н. Луман в своей системной дифференциации использовал такой подход, выделяя дифференциацию на центр и периферию, главным образом «город – село». Позже он отказался от этой формы, сохранив трехчленку дифференциации: сегментарная, стратификационная и функциональная⁴⁸. По этому же пути пошел и И. Валлерстайн: в своем миросистемном анализе он выделяет ядро, полупериферию и периферию, имея в виду страны и районы мира.

Если представить, что у человека только один доминирующий мотив – что-то наподобие *idée fixe* – навязчивой идеи, его ситуационное влияние будет распростра-

няться по концентрическим окружностям интенсивности и, соответственно, ослабевать от центра к периферии. Но в большинстве относительно сложных ориентаций и жизненных выборов в мотивационной сфере реально действуют несколько мотивов, между которыми может быть как консонанс, гармония, так и диссонанс, противоречие. Скажем, среди мотивов высокой успеваемости студента могут быть: самоуважение, позитивное восприятие преподавателя, интерес к предмету, авторитет среди сокурсников, ожидание вознаграждения от родителей, тщеславие и др. Понятно, что разновекторные мотивы борются, и полем борьбы является внутренний мир человека. Здесь часто возникает ситуация, выраженная в любимой пословице Т. Парсонса: «Нельзя съесть пирог и сохранить его»⁴⁹. Важно, однако, учитывать, что мотивационный диссонанс, как и когнитивный (Л. Фестингера), не только создает некоторый дискомфорт, но и повышает поисковую активность для снятия возникших противоречий⁵⁰.

Придавая первостепенное значение «нашему знанию мотивов», Т. Парсонс утверждал: «Мотивационная динамика в социологической теории, прежде всего, должна выступать в определении механизмов, которые отвечают за функционирование социальных систем, за поддержание или разрушение данных структурных типов, в определении типичного процесса перехода от одного структурного типа к другому»⁵¹. Напомним, что первичной социальной системой Т. Парсонс называл диadu (двойку) именно потому, что только в ней возможны собственно социальные атрибуты: интерактивность и двойная контингентность. Что касается упомянутого автором «типичного процесса», то он, безусловно, важен для типологии доминирующих мотивов. При всей уникальности индивидуумов подавляющее большинство людей руководствуется побуждениями, характерными для их культуры, их социальной референтной группы, всего общества. Так, Т. Шибутани справедливо говорил, что в каждой культуре – свой словарь мотивов. «В настоящее время в Соединенных Штатах индивидуалистические, гедонистические и денежные мотивы рассматриваются как правдоподобные пружины поведения. Если кто-нибудь объясняет, что он сделал что-то с целью получить деньги, обычно принимают это заявление за правду. Но существует тенденция сомневаться в искренности тех, кто ссылается на религиозные мотивы»⁵². Как видим, выделены три группы мотивов, среди них нет аффилиации, благотворения, творчества, профессионального и культурного роста, коллективизма, патриотизма (хотя американцы любят свою страну), религиозные мотивы вытеснены на периферию при показном благочестии и т. д. Прошло полвека со времени публикации данной работы в США, а первое русское издание книги автора вышло в 1969 г., 45 лет назад, – что изменилось? Судя по всему, новых типовых мотивов не появилось. По А. Маслоу мотив самоактуализации имеют не более 3 %⁵³, еще больше отодвинута религия с ее нормативизмом, еще больше стало возможностей получать удовольствие, развиваться, путешествовать и пр. Если Т. Шибутани с долей сомнения писал: «Трудно представить себе, что эти (названные им три группы. – С. Ш.) стремления неуниверсальны, то сегодня попытки сделать их такими и распространить на весь глобальный мир приобрели характер мегамотивации. К сожалению, значительная часть людей на постсоветском пространстве эпигонски перенимает американские типы мотивов.

Во-вторых, есть в теории мотивации с социологической точки зрения существенный пробел, связанный с уклонением от использования понятия «стимул». Многие считают, что тем самым они избегают опасности впадения в бихевиористский редукционизм с его известной формулой «стимул – реакция». На наш взгляд, такое опасение не оправданно, ибо мешает аналитическому пониманию и практическому формированию мотивационно-стимулирующих механизмов.

4. Ноосферные идеи в социологии

Потребность в углубленной разработке сферного подхода в социологической науке связана и с обращением к ноосферным идеям. Эти идеи постепенно и, хотелось бы надеяться, необратимо входят в общественную жизнь, кристаллизуются в нормативно-ценностных структурах сознания, пронизывают мировоззрение, убеждения и установки все большего числа людей, формируя тем самым их жизненные ориентиры и мотивы деятельности. Кардинальное отличие ноосферных идей от многих других – политических, социальных, культурных и иных – в том, что они *ab ovo* – изначально, по своей природе планетарны, адресованы всему человечеству, а значит, не допускают диверсификации процессов их реализации и приватизации результатов. В этом их великая эволюционная сила, о чем так проникновенно писал Тейяр де Шарден (1881–1953). «Удача и честь нашего краткого существования заключается в его совпадении с преобразованиями ноосферы»⁵⁴. Но в этом же и трудность продвижения ноосферных идей в жизнь, ибо в расколотом мире отдельные государства,

блоки, группировки, транснациональные компании, промышленно-финансовые группы озабочены прежде всего тем, чтобы в интеллектуальной области, в совокупном разуме человечества найти то, что дает им хотя бы кратковременное преимущество перед другими. На эту сторону ноосферные мыслители не обращали должного внимания, будучи уверены, что переход биосоциосферы в новое качественное состояние произойдет эволюционным путем – сам по себе. Ноосферная проблематика представляет собой отдельное предметное поле исследований, охватывающее экологию, синергетику, экономику и другие направления. «Основное утверждение В. И. Вернадского, – отмечает Н. Н. Моисеев, – состоит в том, что человечество и биосфера вступает в такой этап своей естественной эволюции, когда их дальнейшее развитие должно быть согласовано и направляться разумом человечества. На этом этапе эволюции биосфера, т. е. сфера жизни, превращается в сферу разума»⁵⁵.

Первые ноосферные представления, как видно из этимологии термина (от греч. *noos* – разум, *sphaira* – сфера), зародились в Древней Греции как сочетание логических обоснований рациональности и пифагорейского учения о гармонии сфер. Анаксагор утверждал, «будто мировой строй образовался и продолжает образовываться деятельностью ума (*noos*), который приводит в порядок первоначально беспорядочные, хаотичные частицы»⁵⁶. Т. де Шарден обратил внимание на «внешне банальный факт, в котором, однако, в действительности проявляется одна из самых фундаментальных черт космической структуры – округлость Земли»⁵⁷, т. е. замкнутость и ограниченность жизненного пространства планеты. Для социологии же особенно важен один из эвристических моментов, содержащийся в следующем положении автора: «Что на самом деле представляет собой хитросплетение наших социальных рамок, какими бы условными и изменчивыми они ни казались, как не усилие мало-помалу выделить то, что однажды должно стать структурными законами ноосферы? Если только искусственное, моральное, юридическое сохраняет свои жизненные связи с потоком, поднимающимся из глубин прошлого, то не является ли оно просто гоминизированным естественным, физическим и органическим?»⁵⁸ Некоторые авторы, не употребляя термин «ноосфера», развивали сходные идеи даже раньше Т. де Шардена и В. И. Вернадского. Так, известный русский социолог С. Н. Булгаков еще в 1912 г. писал: «Природа, достигнув в человеке самосознания, способности труда над собой, вступает в новую эру своего существования. Хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый миробразовательный, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы. Эпоха *хозяйства* есть столь же характерная и определенная эпоха в истории земли, а через нее и в истории космоса, что можно с этой точки зрения всю космогонию поделить на два периода: инстинктивный – до появления человека и сознательный, хозяйственный – после его появления»⁵⁹.

Родоначальник ноосферного учения В. И. Вернадский в 1945 г., накануне победы над фашизмом, писал: «Мы уже вступили в ноосферу». Однако спустя 44 года, в 1989 г., один из активных разработчиков теории ноосферы академик АН СССР Н. Н. Моисеев констатировал: «Мы по-прежнему еще очень далеки от ноосферы... В эту эпоху не только эволюция окружающего мира должна пойти по новому руслу направляемого развития, но и человечеству предстоит качественно изменить собственную организацию. А это автоматически уже никак произойти не может»⁶⁰. Но если не автоматически, нестихийно, спонтанно, непреднамеренно, бессознательно, то как? Вариант единственный и очевидный: значит, сознательно, разумно, рационально, преднамеренно, целеустремленно, конструктивно. При этом возникает противоречие с известными основами либерального мировоззрения, в частности с якобы вечным и священным принципом *laissez faire* – невмешательства, дозволения процессу (делу, событию) идти своим ходом. Этот принцип в XVIII в. выдвинули физиократы, но относился он скорее к природным явлениям, чем к общественным, что видно из самоназвания данного направления, рассматривающего труд в земледелии в качестве главного, если не единственного, источника общественного богатства. Позже этот лозунг трансформировался в принцип свободы торговли, частного предпринимательства, конкуренции и т. д., и наконец – в требование невмешательства государства в экономику и хозяйственную жизнь в целом. Отсюда популярные в политэкономии образы «невидимой руки рынка», «ночного сторожа» (в отношении роли государства), «расширенного порядка человеческого сотрудничества», «рассеянного знания» у Хайека и др. Лозунг *laissez faire* изначально допускал возможность анархистских и нигилистических уклонов по отношению к государству, а также индивидуализм в межличностных отношениях. В постсоветских обществах на рубеже 1990-х гг. именно эти тенденции свободной рыночной экономики оказались наиболее доступными для восприятия, особенно в молодежном поколении. В силу этого ноосферные идеи направленного развития, управляемых изменений, социального порядка стали ассоциироваться с этатизмом и априори отвергаться.

Все же для большинства постсоветских стран выбор стратегического пути исторического движения остается неопределенным. Проблематичность в том, что, с одной стороны, уход от социализма советского типа признан окончательным на политическом уровне и поддержан общественным мнением, но с другой – значительную часть населения тем не менее путь в классический капитализм, мягко говоря, озадачивает, если не сказать пугает. Такие опасения вновь обострились в связи с мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2010 гг., окончательное преодоление которого не просматривается даже в развитых странах. Аноп Назаретян, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования, автор книги «Нелинейное будущее», признав, что известные до сих пор катастрофические прогнозы не сбывались, предлагает еще один. «Сейчас, – по его словам, – глобальная эволюция вступила в режим беспримерного ускорения. Серия независимых расчетов показывает: к середине XXI в. скорость эволюции устремится в бесконечность. Значит, нас ждет грандиозный фазовый переход, какого ни человечество, ни биосфера Земли еще не переживали. По глобальному значению это сопоставимо с возникновением жизни. Это может быть прорыв в новую космическую реальность, а может – конец планетарной эволюции, обвал, катастрофа, превращение Земли в “нормальное” космическое тело наподобие Луны или Марса»⁶¹. Заметим, что прежние катастрофические прогнозы потому и не сбывались, что люди находили в себе силы противостоять всевозможным природным и социальным катаклизмам – землетрясениям, наводнениям, эпидемиям, войнам, техногенным авариям, экономическим кризисам, предотвращая их критический уровень.

Устройство ноосферы можно представить следующим образом. В центре ее имеется рациональное начало (в идеале гегелевский «мировой разум»), импульсы из этого ядра распространяются концентрически, образуя оболочку. Т. Шарден писал: «Земля не только покрывается мириадами крупинки мысли, но и окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе. Множество индивидуальных мышлений группируется и усиливается в акте одного единодушного мышления»⁶². Нам трудно понять, как додумались наши далекие предки, не имеющие даже зачатков науки, до многих нововведений, определивших историческое развитие человечества. Так, В. А. Шкуратов отмечает: «Главной социальной инновацией нижнего палеолита (400 тыс. лет тому назад) была экзогамия – исключение из брачных отношений ближайших родственников... Запрет инцеста (кровосмешения) требовал общественной регуляции брака, появились род и семья»⁶³. Благодаря этому возникло антропологическое, психосоциальное и духовное единство человечества, которое сохраняется вопреки экономическим, политическим, языковым, бытовым различиям. Возможно, в этом был некий ноосферный порыв, требовавший коллективных усилий. Т. Шарден отмечал: «Стремясь как можно больше отделиться от других элементов, человек индивидуализируется, но, индивидуализируясь, он падает опять... Чтобы быть полностью самими собой, нам надо идти в обратном направлении – в направлении конвергенции со всем остальным, к другому. Настоящее Его возрастает обратно пропорционально “эгоизму”»⁶⁴.

Возможно, ноосферная парадигма способна открыть новые условия для позитивной конвергенции разных моделей развития с элиминированием их слабостей и недостатков, о чем мечтал А. Д. Сахаров. Настороженное отношение к данной парадигме, которая представлена в работах В. И. Вернадского, Т. де Шардена, Э. Леруа, Н. Н. Моисеева, В. А. Коптюга, А. И. Субетто, таких постсоветских ученых, как белорусский экономист, академик НАН Беларуси П. Г. Никитенко и др., часто объясняют новизной понятийно-терминологического аппарата, неясностью эмпирической базы, сложностью идентификации ноосферных феноменов. Однако такого рода препятствия вполне преодолимы, и нечто подобное уже происходило в истории науки, например при освоении теории трудовой стоимости А. Смита в экономике или позитивизма О. Конта и концепции эволюции институтов Г. Спенсера, теории социального действия М. Вебера и Т. Парсонса в социологии, не говоря о многих естественнонаучных открытиях. Первым шагом к такой работе может быть разработка сферного подхода в социологии с экспликацией понятия «сфера общества».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Цит. по Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 818. (Из трактата К. Ясперса «Die Schuldfrage» («Вопрос вины»), 1946.)
- ² Конфуций. Уроки мудрости. М., 2006. С. 10; См. также: В. Малявин. Конфуций. М., 1992. С. 55.
- ³ Асмус В. Ф. История античной философии. М., 1965. С. 55.
- ⁴ Там же. С. 102.
- ⁵ Там же. С. 232.

- ⁶ Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1997. Т. 3. С. 281.
- ⁷ Гегель Г. Ф. Философия истории // Сочинения. М., 1935. Т. 8. С. 32.
- ⁸ Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. М., 1991. Вып. 1. С. 213.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Филиппов А. Ф. Никлас Луман: попытки теоретико-методологической модернизации «стабилизационного» социологического сознания // Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций; отв. ред. В. Н. Иванов. М., 1986. С. 162.
- ¹¹ Новак М. Дух демократического капитализма. Минск, 1997. С. 14.
- ¹² См.: Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958; Рожин В. П. Введение в марксистскую социологию. Л., 1962.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 1959. Т. 13. С. 7.
- ¹⁴ Марксистско-ленинская теория исторического процесса: в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 47.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 48.
- ¹⁷ Там же. С. 51.
- ¹⁸ Шавель С. А. Методологические проблемы управления развитием социальной структуры социального общества. Минск, 1977. С. 8.
- ¹⁹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 14–15.
- ²⁰ Гайденко П. П. Предисловие к книге Вебера «Избранные произведения». М., 1990. С. 32.
- ²¹ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 154, 155.
- ²² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 10.
- ²³ Абульханова-Славская К. А. Социально-психологические аспекты активности личности // Социально-психолог. проблемы произв. коллектива. М., 1983. С. 85.
- ²⁴ Хайкин В. Л. Активность (характеристика и развитие). М., 2000. С. 398.
- ²⁵ Рубинштейн С. Л. Проблема психологии. М., 1975. С. 368–369.
- ²⁶ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 1998. С. 156.
- ²⁷ Ядов В. А. Мотивация труда: проблемы и пути развития исследований // Сов. социология: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 29.
- ²⁸ См.: Ильин Е. П. Мотивы и мотивация. М.; Минск, 2003. С. 18.
- ²⁹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.; 2003. С. 22.
- ³⁰ Там же. С. 39.
- ³¹ Ядов В. А. Мотивация труда. С. 29.
- ³² Хекхаузен Х. Указ. соч. С. 82.
- ³³ Ильин Е. П. Указ. соч. С. 12.
- ³⁴ Хекхаузен Х. Указ. соч. С. 40.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Ильин Е. П. Указ. соч. С. 344.
- ³⁷ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981. С. 518–519.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 50.
- ⁴⁰ Там же. С. 46.
- ⁴¹ Там же. С. 49.
- ⁴² Там же. С. 312.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 279.
- ⁴⁵ Там же. С. 282.
- ⁴⁶ Виллюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990. С. 255.
- ⁴⁷ См.: Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Минск, 2010. С. 248.
- ⁴⁸ См.: Луман Н. Дифференциация. М., 2006. С. 27.
- ⁴⁹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 86.
- ⁵⁰ См.: Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации человека. М., 1969. С. 195.
- ⁵¹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 95.
- ⁵² Шибутани Т. Указ. соч. С. 156–157.
- ⁵³ См.: Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2001.
- ⁵⁴ Шарден де Т. Феномен человека. М., 1987. С. 172.
- ⁵⁵ Моисеев Н. Н. Теория ноосферы и математические модели // Философия и социология науки и техники. Ежегодник – 1987. М., 1987. С. 94.
- ⁵⁶ Асмус В. Ф. Указ. соч. С. 60.
- ⁵⁷ Шарден де Т. Феномен человека. М., 1987. С. 190.
- ⁵⁸ Там же. С. 177.
- ⁵⁹ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 2008. С. 120.
- ⁶⁰ Моисеев Н. Н. Экология, нравственность и политика // Вопр. философии. № 5. 1989. С. 6.
- ⁶¹ Цит. по Писаренко Д. Человек уже не тот // Аргументы и факты. 2013. С. 31.
- ⁶² Шарден де Т. Указ. соч. С. 199.
- ⁶³ Шкуратов В. А. Историческая психология. М., 1997. С. 179.
- ⁶⁴ Шарден де Т. Указ. соч. С. 205–206.

Поступила в редакцию 10.02.2014.